

БІБЛІЯТЭКА САЮЗА ПІСЬМЕННІКАЎ БЕЛАРУСІ
БИБЛИОТЕКА СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ БЕЛАРУСИ

Сергей ТРАХИМЁНОК

БОГ ЛЮБИТ ОДЕССУ

РОМАН

МИНСК
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ»
2020

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бен=Рус)-5
Т65

Трахимёнок, С. А.

Т65 Бог любит Одессу : роман / Сергей Трахимёнок. — Минск :
Четыре четверти, 2020. — 264 с. — (Библиотека Союза писате-
лей Беларуси).

ISBN 978-985-581-363-8.

Действие романа «Бог любит Одессу» происходит в Одессе в 2007 году. Из России и Украины сюда приезжают четверо мужчин. Цель визита у каждого из них своя. Москвич — политолог Павел Алексеевич — прибыл в командировку к коллегам из Института государственного управления. Олесь из Киева хочет просто порыбачить на Днестре. Журналист Савва собирает материалы для книги об одесском юморе. Сибиряк Борис объясняет причину приезда тем, что ему захотелось вспомнить то время, когда он поступал в Одесский институт связи. Однако дело обстоит иначе: герои не совсем честны по отношению к городу, с которым связано их прошлое.

Книга адресована широкому кругу читателей.

УДК 821.161.1(476)-1
ББК 84(4Бен=Рус)-5

ISBN 978-985-581-363-8

© Трахимёнок С. А., 2020
© Оформление. ОДО «Издательство
“Четыре четверти”», 2020

БОГ ЛЮБИТ ОДЕССУ

РОМАН

Олесь

В Киеве Олесь вышел из здания по улице Владимирская, 33¹ и пошел в сторону Софии. Отец стоял на углу и с особым интересом рассматривал серый камень, которым было облицовано здание и его колонны.

— Ты как первый раз все это видишь? — сказал Олесь после приветствия.

— В некотором смысле да. Когда я тут работал, мне было не до этого, — ответил отец.

Он был одет не по-летнему, в коричневом костюме, брюках с манжетами и почему-то в белой летней шляпе.

— Поговорим здесь? — спросил Олесь.

— Нет, пойдем, прогуляемся, — ответил отец.

Олесь хотел перейти улицу, но отец его остановил.

— Мы пойдем не к Софии, а к Богдану².

— А я думал, поведешь меня к скверу, где ты делал маме предложение.

Отец промолчал. И сын понял, что переборщил с остротами и намеками.

Они перешли улицу, немного пройдя дальше, постояли у памятника Богдану Хмельницкому. Затем двинулись к Михайловскому собору.

---

¹ По этому адресу находится здание СБУ Украины.

² Памятник Богдану Хмельницкому.

Отец молчал, как и Олесь.

Миновав собор, вышли на Владимирскую горку.

— Хотел показать тебе Киев, — сказал отец, — но за деревьями его плохо видно.

— Красивый пейзаж открывается отсюда только поздней осенью, когда вся листва опадает.

— Так, так, — ответил отец и оживился, — ты и это помнишь?

— Нет, — ответил Олесь, — просто я тут сейчас чаще бываю, чем ты.

— А-а, — неопределенно протянул отец.

— Ты любил водить меня в детстве в беседку.

— Вот туда мы и идем, посидим, поговорим.

Они подошли к беседке.

— Закрой глаза, — сказал отец.

— Зачем?

— Потом скажу.

Олесь закрыл глаза.

— Сколько там ступенек.

— Пять, — немного подумав, ответил Олесь

— Шесть, — произнес отец, — раньше ты всегда их считал.

— Па, это было давно, еще когда учился считать и считал все подряд.

— Да, но я думал, что ты помнишь. У тебя должна быть фотографическая память.

— Ты же знаешь, это все байки о том, что у разведчиков фотографическая память. На самом деле все иначе. Человеческая память избирательна, она запоминает то, что нужно для выживания или когда ты вобьешь в нее то, что считаешь нужным. У нас в вузе был препод, он мог мгновенно актуализировать память всех в аудитории простым обещанием принять завтра зачет по той теме, которую мы сегодня разбираем на семинаре. И у всех память мгновенно улучшалась...

— Сравнил тоже, — ответил отец, — хотя это неплохой способ актуализации.

Они уселись на лавку.

— Ты догадываешься, зачем я тебя сюда привел?

— Да.

— А ты не хочешь спросить меня, почему та секретная миссия, что тебе поручается, стала мне известна?

— Нет.

— Почему?

— Потому, что ты сам мне об этом скажешь.

В это время к беседке подошла группа иностранцев, переводчица рассказывала им о Крещении Руси, время от времени указывая вниз на видневшуюся среди листвы спину Владимира Крестителя.

— Китайцы, — констатировал отец.

— Тебе лучше знать, я, в отличие от тебя, не могу отличить китайца от корейца или японца.

— Да, — ответил отец, — у нас были другие масштабы и другие визави.

— Что делать, — ответил Олесь, — те времена ушли в прошлое.

— Нам не дадут договорить, — сказал отец и поднялся со скамейки, — пойдём.

Они прошли вдоль перил Владимирской горки и стали спускаться вниз к бывшему музею Ленина.

— Ты знаешь, как называлось это здание в советские времена, — спросил отец.

— Да, киевским торгом.

— Правильно.

— Отец, перестань меня экзаменовать. Я уже понимаю, что ты знаешь о моей командировке, хотя она законспирирована, как мне сказали начальники на три раза.

Участок Крещатика до улицы Учительской они прошли молча. Свернули на Банковую.

— Мы идем в резиденцию? — спросил Олесь.

— Нет, к домику с химерами.

— Я понимаю, ты обеспокоен моей командировкой. Но не придавай ей большого значения. Это же не за кордон, а в пределах Украины... Так стоило ли водить меня по местам твоей боевой славы, чтобы съездить на неделю полторы в некий город и вернуться.

— Самое поразительное, что я — отставник, не имеющий возможности входить в здание СБУ, знаю, в чем твое задание и куда ты направляешься. Тебя это не удивляет?

— Ты это к чему?

— К тому, что его могут знать и другие, не только твое начальство.

— Не бери в голову, это задание учебное.

— Э, не скажи, конечно, и в советские времена такие штучки делали, но о них далее бюро обкома партии информация не выходила. Причем в любом случае, и если удавалось провести операцию, и если не удавалось. Хотя такое случалось довольно редко, все же в тайной деятельности одиночки работают эффективнее, чем система.

— Что же изменилось на сегодня?

— Многое. Если раньше те, кто выигрывал, получали благодарности, а проигравшие их просто не получали, то теперь игры идут реальные. На носу выборы. И акция, которую ты считаешь учебной, может быть использована одной стороной против другой. И я не хотел бы, чтобы тебе свернули там шею, несмотря на твои разряды по каратэ. Думаю, тебя уже сдали с потрохами и в Одессе ждут, чтобы взять под белые ручки, а если ты будешь артачиться, еще и уроют.

— Каким образом?

— Дадут обрезком трубы по загривку, жить будешь, но со службой придется расстаться.

- Мрачные перспективы.
- Зато реальные.
- И ты не даешь мне шанса?

Но отец продолжал, пропустив мимо его ироничное высказывание.

— Но еще хуже, если ты сделаешь это и не сможешь быстро уйти оттуда. Ребята могут и похоронить тебя. Причем сделают это они не своими руками, а руками одесских жуков.

— Батя, ты преувеличиваешь.

— Нет, скорее всего, преуменьшаю, поскольку игра идет на большие деньги.

— Но я-то к ним никакого отношения не имею.

— Это ты так считаешь.

— Хорошо, пусть будет так. Что же мне делать?

— Выполнять поставленную задачу, но с определенным процентом корректировки. Во-первых, ты поедешь в Одессу не из Киева, а из другого места, даже я не буду знать. Лучше, чтобы ты въехал на Украину, тьфу, в Украину из-за границы.

— Хорошо.

— Во-вторых, установочные данные, под которыми ты выступаешь, конечно, уже засвечены, я подготовил тебе паспорт на другую фамилию. И, наконец, объект для диверсии выберешь сам.

Павел Алексеевич

Павел Алексеевич Насокин, мужчина в возрасте чуть за пятьдесят, сел в поезд Москва-Одесса. Несмотря на летний сезон, вагон был полупуст, а в купе, кроме Насокина, больше никого не было.

Поезд тронулся, проводник взял билет у мужчины, намекнул, что курить можно только в рабочем тамбуре, и исчез, оставив пассажира одного. Он тоже вышел в коридор и стал смотреть в окно.

Какая-то дама в больших роговых очках, переодевшись в тренировочный костюм, тоже покинула свое купе и остановилась возле окна, с любопытством осмотревшись, остановила свой взгляд на Насокине. Впрочем, это было неудивительно.

Павел Алексеевич имел прекрасную для своего возраста фигуру, пышную шевелюру, которой почти не коснулась седина, и благородную осанку, отличавшую работников умственного труда от работников труда других видов, так, во всяком случае, он сам полагал. А еще Павел Алексеевич считал себя счастливым человеком. В свои пятьдесят два он сумел прожить две жизни. Разумеется, они имели прочные профессиональные основания, поскольку до начала девяностых он преподавал научный коммунизм, а потом стал политологом.

Но если в первой жизни он был достаточно устойчив, поскольку основывалась она на знании трех источников и трех составных частях марксизма, то с политологией было сложнее. При всех регалиях кандидата философских наук и доцента, предмета политологии он до сих пор не понимал.

Старая жизнь его закончилась в девяносто первом. Но без работы Павел Алексеевич оставался недолго. Буквально через год его нашел бывший однокурсник по институту Семеновский и пригласил на кафедру политологии в коммерческий вуз.

— А как он называется? — спросил Павел Алексеевич.

— Да какая тебе разница. У вуза еще нет названия.

— А какова его специфика?

— Ковать кадры развитому капитализму.

— Но я не специалист по политологии!..

— Значит, ты должен стать им, иначе...

— Что?

— Иначе ты останешься без куска хлеба.

Против такого аргумента трудно было что-либо возразить.

И Павел Алексеевич с ним согласился.

Гуманитарное образование и переориентация на общечеловеческие ценности помогли ему относительно легко начать новую жизнь.

Однако той устойчивости и уверенности в правоте своего дела, какие имел ранее, Павел Алексеевич так и не приобрел. То ли категориальный аппарат новой дисциплины еще не сложился, то ли предмет ее был настолько широк, что являл собой некую бочку, в которую создатели одновременно впихнули государственование, психологию и социологию.

Однажды на семинаре один из студентов сказал, что политология — искусственно созданная дисциплина.

Павел Алексеевич, как человек поднаторевший в научных и околонаучных спорах, тут же перевел стрелки на говорившего.

— Прошу, — сказал он, — вам и карты в руки. Представьте, будто вы создатель этой дисциплины. В чем вы видите ее предмет?

Однако студент оказался думающим.

— Если речь идет о политологии, то это — учение о политике. А сама политика есть деятельность по защите собственных интересов. У нее нет предмета, то есть того, что должно изучаться как некая сфера, в которой исследователь или исследователи пытаются выявить уж если не законы, то некие закономерности. Отсюда политология — набор действий, которые могут осуществляться для достижения одной цели — прихода к власти и удержания ее.

Такого оригинального подхода к дисциплине от студента Павел Алексеевич не ожидал. Но самое удивительное было то, что, мастерски спустив полемику на тормозах, Насокин, мысленно с ним согласился.

И, продолжая читать лекции по политологии, стал больше интересоваться другим — геополитикой.

Это не прошло незамеченным мимо заведующего кафедрой Семеновского.

— Вот и прекрасно, — сказал он, — наконец-то у нас появился человек, который будет заниматься евроинтеграцией.

Какое отношение имела евроинтеграция к геополитике, Семеновский не объяснил, но тут же добавил, что Украина в этом направлении ушла далеко вперед, и пообещал Насокину выписать командировку для изучения опыта «славянской соседки».

Насокин уже мысленно видел себя гуляющим по Крещатику, но то ли связей Семеновского не хватило, то ли сработали другие причины, командировку ему выписали не в Академию управления в Киев, а в Институт государственного управления, который находился в Одессе.

Впрочем, сам Семеновский объяснил это тем, что именно в этом институте открылась первая в Украине кафедра евроинтеграции.

Чтобы не ударить в грязь лицом перед коллегами из Одесского института Павел Алексеевич прочитал все, что имело отношение к евроинтеграции, и нашел, что это понятие существует в трех ипостасях. Сие его порадовало, возможно, своей близостью к трем составным частям марксизма.

Под евроинтеграцией часть ученых понимала взаимодействие на правительственном уровне, которое приводит к унификации многих сфер деятельности. Другая полагала, что интеграция лежит в коммуникативной сфере и представляет собой образование новых социальных общностей, третьи считали, что это процесс, который приведет, наконец, к созданию многоуровневой системы управления в рамках единой Европы.

Однако были и четвертые, считавшие, что евроинтеграция — это очередная уловка продвинутых в манипулятивных технологиях, так называемых рыночных государств для завоевания ресурса государств-конкурентов под благовидным предлогом.

...Но Павел Алексеевич был уже в поезде, который неотвратимо мчал его по просторам России, чтобы потом так же катить по степям Украины в славный город Одессу, который, согласно социологическим исследованиям, гораздо более известен и посещаем россиянами, чем Киев.

— Вы до Одессы? — произнес женский голос.

Насокин повернулся к даме в тренировочном костюме. И только теперь Насокин обратил внимание, что линзы в ее оправе настолько мощные, что не позволяли разглядеть глаз.

— До Одессы? — повторила дама.

— Да, — ответил он.

— Я так и подумала, — сказала она, — видимо, в Затоку?

— А что такое Затока?

— А-а, сразу видно, что вы никогда не бывали в Одессе. Это пляжные пески на побережье до самого Измаила.

— Нет, — ответил Насокин, — я не в пески, я в Одессу работать.

— Знаете, — ответила на это дама, — самый лучший отдых в Одессе в советские времена был у командировочных.

— Почему? — удивился Насокин.

— Потому что за него еще и платили.

И женщина принялась приводить примеры такого отдыха, которые случались с ее друзьями и подругами каких-то двадцать лет назад. Слушая ее трескотню, Насокин думал, как бы тактично отвяжаться от словоохотливой попутчицы. Но придумать

ничего не мог, поэтому был вынужден изображать на своем лице заинтересованность, дабы не обидеть собеседницу.

— Вы меня совсем не слушаете, — констатировала дама.

— Нет-нет, напротив, — ответил Насокин, — мне все это до крайности любопытно.

— А мне показалось, что вы совсем выпали из разговора... Кстати, меня Лидией зовут.

— А меня Павлом Алексеевичем.

— Можно я буду называть вас просто Павел?

— Можно, — ответил Насокин, а про себя подумал: «Хорошо, что не Павлушей».

— Ну, вот и познакомились! — обрадовалась Лидия и хотела продолжить беседу, но тут появился проводник.

— Скажите, — спросил Насокин у него, — когда мы будем в Калуге?

— В первом часу ночи, — буркнул тот на ходу.

— Мсье торопится? — с легкой долей ехидства спросила Лидия.

— Да, — ответил Насокин, — хотел посмотреть на ночную Калугу, да, видно, не судьба.

— Что так?

— У меня отбой в десять часов, — произнес он.

— Не думайте от меня так просто отделаться, — заявила дама, — идите, отбивайтесь, а завтра продолжим. Я вам такое расскажу за Одессу!

— Это так необходимо?

— Безусловно, без этого в город не стоит и соваться.

— Я не люблю монологов.

— Это будет диалог.

ТРАХИМЁНОК **Сергей Александрович**

Родился в 1950 году в г. Карасук Новосибирской области. В 1977 году окончил Свердловский юридический институт. Доктор юридических наук, профессор.

Первые произведения опубликованы в конце 1980-х в еженедельнике «Молодость Сибири», в издательстве «Молодая гвардия». Печатался в периодических изданиях: «Неман», «Родник», «Немига», «Авантюрист», «Личная жизнь», «Беларуская думка», «Сибирские огни», «Роман-журнал XXI век», «Наш современник», «Дон», «Подъем», «Простор», «Роман-газета» и др.

Автор сорока книг, увидевших свет в Минске, Москве и Санкт-Петербурге, пятнадцати сценариев для кино- и видеofilmов.

Лауреат Национальной литературной премии (2008) за роман «Синдром выгорания» (награжден статуэткой «Золотой купидон»); литературной премии Уральского федерального округа (2012) за роман «Чаша Петри, или Русская цивилизация: генезис и проблемы выживания» (Россия); Всероссийской премии им. Д. Н. Мамина-Сибиряка за книгу «Повести разных лет» (2015); XV Артиады народов России в номинации «Литература. Взрослая лига. Гильдия профессионалов» (2019).

Дипломант национального кинофестиваля в Бресте (2007); фестиваля «Бородинская осень» (Россия, 2008) за сценарий к фильму «Чуть смелее других»; фестиваля спортивных фильмов в Липецке (Россия, 2012) за сценарий к фильму «Терновые венки Олимпа».

Член союзов писателей России и Беларуси.

Живет в г. Минске с 1990 года.

СОДЕРЖАНИЕ

БОГ ЛЮБИТ ОДЕССУ (*роман*) 3

Об авторе 262